

18+

Элис Карма

ИЗМЕНА

ПОРОЧНАЯ СТРАСТЬ

Элис Карма

Измена. Порочная страсть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983752

SelfPub; 2023

Аннотация

– Ты с ума сошёл, она ведь замужем! – кричит мне брат.– Её мужу плевать на неё! Он таскает в дом девиц в её отсутствие, – возражаю я.– Ты ничего не понимаешь, Ронни. В этом городе нет того, кто осмелился бы перейти дорогу Шону Роджерсу. Ты же покусился на самое ценное, что у него есть – его жену. Я имел неосторожность безнадёжно влюбиться в жену своего соседа и по совместительству одного из самых опасных людей в Стоунвиле. Если бы она была счастлива в браке, то я бы сдался и оставил навязчивые мысли. Но я вижу, как с каждым днём свет в глазах моей любимой всё больше угасает. Я намерен забрать её у Роджерса, чего бы это мне не стоило. В тексте есть:– измена— властный герой— сложные отношения— ХЭ

Содержание

Пролог	4
Часть 1 «Новый дом»	5
1.2	10
Часть 2 «Золотая клетка»	20
2.2	25
2.3	30
Часть 3 «Влюбиться вопреки»	34
3.2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Элис Карма

Измена. Порочная страсть

Пролог

Николь

Мы оба понимаем, что если он всё узнает, это будет катастрофа. Шон – очень жестокий человек, а ещё жуткий собственник. И всё же сопротивляться этому притяжению между нами невозможно. Я готова рискнуть всем, лишь бы почувствовать вновь прикосновения любимых рук, ощутить родные губы на вкус. Я не знаю, как вышло так, что совершенно чужой мне человек, просто сосед напротив, стал мне самым близким и дорогим. Впрочем, стоит ли удивляться? День за днем муж убивал мою любовь своими изменами и жестокостью. Мне просто захотелось прекратить всё это, захотелось быть любимой. Такое простое и естественное для любой женщины желание. Этот внезапный бурный роман подарил мне надежду на то, что всё может быть иначе. И я не позволю мужу отнять её...

Часть 1 «Новый дом»

1.1

Ронни

– Ты уверен, что не хочешь продолжить службу? – спрашивает меня полковник Харрисон.

– Никак нет, сэр, – отвечаю я уверенно и чётко.

– Жаль, – он недовольно поджимает губы. – Стране нужны такие бравые парни, как ты сынок.

Я не знаю, что ответить ему на это. Ни то, что это неправда, ни то, что я в принципе больше не заинтересован в службе, не подходит. Остаётся только молчать с печальным видом. Впрочем, грусть моя может быть и неподдельной, если я вдруг вспомню свою последнюю командировку в Кабуле. Если вы когда-нибудь увидите молодёжь, бесцельно проживающую свою жизнь в клубах или на тусовках, не спешите их осуждать. Вспомните, что есть ещё американские солдаты, год от года делающие вид, что их служба как-то оправдана.

– Что ж, удачи тебе на гражданке, парень, – полковник протягивает мне руку. Она на ощупь сухая и жёсткая, как и он сам. Я в последний раз смотрю в его маленькие серые глаза, потом прощаюсь и выхожу из кабинета.

Невидимый груз падает с моих плечей. Наконец-то я могу произнести вслух, что вся эта идея с армией была дерьмом

собачьим, тупой попыткой доказать родителям, что что-то могу в этой жизни без их денег и влияния. Как оказалось, действительно могу кое-что, но об этом я бы предпочёл навсегда забыть.

Я выхожу на улицу под палящее солнце. Жмурюсь невольно, надеваю форменную кепку на коротко стриженную голову. Жарко. Хочется пить. Я вырос в Калифорнии, и там тоже жарко. Но здесь в Сан-Антонио зной совсем другой. Он иссушающий. Воздух напоминает жар из гриля. Я оглядываюсь по сторонам, в надежде найти какую-нибудь закусочную с рабочим кондиционером. Вижу одно место. «Хот-доги на палочке и лимонад» гласит вывеска. Я пытаюсь вспомнить, какой на вкус лимонад и во рту становится кисло. Уже делаю шаг в направлении заведения, но меня останавливает звук клаксона. Я оборачиваюсь и вижу, как в нескольких метрах от меня паркуется ярко-оранжевый джип. За рулём замечаю знакомую физиономию.

– Ронни! – кричит мне брат, выскакивая из тачки.

Меня на секунду охватывает смятение. И когда это он успел так вымахать? Будто голову моего младшего прифотопили к телу какого-то здоровяка.

– Генри, – я обнимаю его и невольно начинаю хлопать по спине. Мы вроде бы часто созванивались, но я и не представлял, как сильно скучал по нему. – Как ты тут оказался?

– Идём, – он тянет меня к авто. – Прокачу тебя с ветерком и расскажу всё.

Мы садимся, и я с восхищением оглядываю салон, бортовой компьютер, климат контроль и датчики движения. Последний раз, когда я был в отпуске, мне ничего подобного не попадалось на глаза. Понимаю, что сейчас гражданская техника оснащена не хуже военной. Брат, заметив мой взгляд, широко улыбается.

– Нравится? Совсем новая! Выпросил у родителей, когда они обсуждали покупку дома для тебя.

– Выглядит неплохо, – киваю я, чувствуя смятение. Я ещё не успел вернуться, а родители уже начали принимать решения за меня.

– Какой ты зануда, – наигранно обижается Генри. – Из-за дома, что ли, расстроился? Он тебе понравится, я уверен!

Я с сомнением хмыкаю в ответ и отворачиваюсь к окну. Снаружи адское пекло, даже асфальт плавится, а тут прохладно. Генри ведёт и болтает беззаботно. А меня не отпускает вопрос: как он добрался сюда один? Он ведь явно провёл в пути больше суток.

– Почему ты не полетел самолётом? – спрашиваю я, прерывая его рассказ. Он меняется в лице. Становится беспокойным и хмурым.

– Я повздорил с отцом из-за колледжа, – отвечает он, не глядя на меня. – Когда я осознал, что случилось, уже гнал по сто первой трассе.

– Ясно, – говорю со вздохом. – Если устанешь, скажи. Я тебя подменю.

Он виновато улыбается и прибавляет газу.

– Значит, колледж, да? – спрашиваю я, когда мы останавливаемся передохнуть в мотеле.

– Не напоминай, – отзывается Генри, умывая лицо. – Он хочет, чтобы я всё бросил и поехал в Принстон.

У меня мурашки бегут по спине. Отец год от года вообще не меняется. Кажется, решил с Генри провернуть то же, что и со мной.

– А ты не хочешь? – спрашиваю брата.

Он выглядывает из ванной и бросает на меня многозначительный взгляд.

– Ты сам-то как считаешь? – задаёт встречный вопрос и не получив ответа добавляет: – Я хочу заниматься музыкой.

С содроганием вспоминаю, как мама истязала Генри уроками игры на фортепиано. Интересно, думала ли она тогда, что своими же руками сбивает его с истинного пути, намеченного отцом. Отчего-то мне хочется, чтобы у Генри всё получилось с музыкальной карьерой. Чтобы он стал кем-то вроде Джастина Тимберлейка или Гарри Стайлса. Тогда бы никто не посмел оспорить его успех. Даже отец.

– А ты чем планируешь заняться, брат? – обтираясь, спрашивает он.

– Понятия не имею, – признаюсь я, не глядя на брата.

Ещё в армии я не раз задавался этим вопросом. Но так и не нашёл ответа. Когда-то давно мне хотелось заниматься архитектурой, ещё я неплохо рисовал. Потом отец, как и

Генри, попытался засунуть меня в колледж. После этого я перестал понимать, чего хочу и о чём мечтаю. Всё, что приходило мне в голову мгновенно обесценивалось.

– Тебе что, совсем ничего не хочется? – удивляется Генри. Я задумываюсь.

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Может, влюбиться? Там во время службы я видел парней, у которых были подружки. Кажется, это делало их счастливыми.

– Ясно всё с тобой!

Генри смеётся и обречённо качает головой. Я же блаженно растягиваюсь на кровати. Меня внезапно переполняет предвкушение чего-то удивительного и захватывающего.

1.2

Вы когда-нибудь слышали о Кремниевой долине? Разумеется, слышали. Кто же не знает о месте, где расположены все самые развитые и высокотехнологичные компании страны? А ещё здесь живут самые богатые люди США. Не звёзды Голливуда и не спортсмены, но владельцы корпораций, бизнесмены и инвесторы. Все те, на ком держится современная экономика, кто приносит в государственную казну огромные налоги. Такие, как мой отец.

Наше с Генри детство прошло в огромном доме с идеальной зелёной лужайкой и просторным задним двором, на котором есть бассейн и спортивная площадка. Если бы вы увидели его хоть одним глазком, решили бы, что это не настоящий дом, и вас разыгрывают. Вы сказали бы: «Не бывает таких идеальных домов! Это явно какая-то декорация из фильма про типичных американцев». И были бы одновременно чертовски правы и неправы. Это место действительно было фальшиво насквозь. Заученные фразы, натянутые улыбки, пустые слова, бесполезные действия – всё, чтобы только произвести впечатление. Даже тот самый газон на самом деле был пластиковым, поскольку отец считал, что на настоящий впустую расходуется слишком много воды. Слишком много воды, нда... И это говорил человек, что мог бы выкупить все источники пресной воды на Восточном побережье за деньги,

которые обычно за вечер проигрывает в покер.

Впрочем, отец есть и будет таким, ничего тут не попишешь. Удивительно не это. Что и вправду странно, так это то, что несмотря на обстановку, в которой мы росли, ни я, ни Генри не переняли от родителей этой одержимости красивой картинкой. Я не ставлю это в список собственных достижений. Было бы глупо гордиться тем, что я не такой, как мой отец. Хотя бы потому, что он миллиардер, а я просто ветеран войны в Афганистане с лёгкой контузией и без гроша за душой.

Но мы будто из другого набора «Лего», две случайно завалявшиеся фигурки. Во всяком случае, я. Насчёт брата я не уверен. У него ещё есть шанс вписаться в установленный порядок. Окончить колледж, в котором когда-то учился наш отец. Пойти работать в его компанию. Потом жениться на самой красивой девушки в офисе и сделать из неё самую красивую домохозяйку в городе. Поселиться в таком же доме с пластиковым газоном и экономить деньги на воде, имея на банковском счёте сумму с девятью нулями.

– Мистер Галлахан, – окликает меня домработница Грейс. Я вздрагиваю и вынырываю из раздумий.

– Простите, – виновато улыбаюсь. – Завис немного – вследствие ранения.

Эта очаровательная дама лет пятидесяти делает сочувственное лицо. Я снова озираюсь по сторонам. Этот дом, как и обещал Генри, довольно неплох. Кажется до меня тут жила

семья с маленьким ребёнком. На одном из дверных косяков еле-еле видны зашпаклёванные и закрашенные засечки роста. Я испытываю странную теплоту, глядя на них, хотя и не имею к ним отношения.

– Мне сказали, дом выбирал помощник вашего отца совместно с братом, – продолжает Грейс. – Они старались опираться на ваши вкусы. Но также предупредили, что, возможно, вы захотите заменить мебель.

Я провожу рукой по обивке дивана. Она явно пережила не одну химчистку. У этого дома богатая история. Я рад, что покупкой не занимались родители. Они бы превратили это место в стерильный бокс без памяти и надежды.

– Мне всё нравится, Грейс, – отвечаю я, оборачиваясь. – Быть может, стоит купить чехлы на мебель, чтобы удобно было стирать. А в остальном, это место идеально.

Лицо домработницы преобразается от улыбки. Видимо, она ожидала, что я доставлю ей проблемы.

– Я полностью с вами согласна, – произносит она восторженно. – А ещё у вас очень хорошие соседи. Справа мистер Симмонс, а напротив Роджерсы – все очень приятные люди.

Выглядываю в окно, куда кивает Грейс, и мне вдруг кажется, что я вижу в окне тех самых Роджерсов обнажённую белокурую красотку. От удивления я не верю своим глазам. Мало ли чего не привидится с такого расстояния. Но любопытство оказывается сильнее чувства такта. Я незаметно достаю свой новенький смартфон и многократно приближаю

картинку. Знаю, что следить за кем бы то ни было незаконно, а потому тут же убираю телефон в карман и задёргиваю штору, но успеваю перед этим сделать фото. Не знаю зачем. Просто вся эта ситуация кажется мне пикантной. А у меня очень давно никого не было. Скажете, что подглядывать за своей привлекательной соседкой отвратительно? Не спору. А кто вам сказал, что я хороший человек?

– Хотите я покажу вам остальные комнаты? – спрашивает Грейс.

– Думаю, мне по силам осмотреть самостоятельно. Вы и так отлично постарались сегодня. Спасибо.

– Рада помочь, – учтиво кивает она. – Я убираю дважды в неделю. Если вам нужен человек для готовки, могу подыскать кого-то. А вообще, неподалёку есть несколько хороших ресторанов, которые работают на доставку.

– Чудно.

– Поздравляю с новосельем. Я надеюсь, жизнь в этом доме будет приятной и нескучной.

Мы обмениваемся улыбками на прощанье, и она уходит. Я ещё пару минут бесцельно брожу по дому, пытаюсь делать вид, что мне действительно есть дело до того, как разложены полотенца в шкафах, и какая утварь есть в кухне. Но всё же не выдерживаю и вновь достаю телефон. Волнение, которое я испытываю, открывая то самое фото, оказывается гораздо сильнее, чем то, что я чувствую, когда смотрю на него. Да, блондинка. Да, фигуристая. Лица почти не видно, но вот от-

лично видно, что сзади её пялит какой-то хер. Видимо, это мистер Роджерс. Несмотря на супер-пупер камеры, обещанные производителем смартфона, фото всё равно нечёткое и в пикселях. Я уже жму значок корзины разочаровано, но что-то меня останавливает. Я просто переносу его в другую папку, чтобы скрыть от посторонних глаз.

Думаю, надежда Грейс на то, что моя жизнь здесь будет нескучной, вполне оправдана.

1.3

Стоунвиль находится всего в полчаса езды от мест, где я вырос, и по внешнему виду мало чем отличается от большинства прибрежных городов. В нижней его части, ближе к океану, расположена вся инфраструктура: бары и рестораны, магазины и отели, всевозможные прокаты и сервисы для туристов. Тут всегда очень шумно,людно и много машин. Если вы такой же социопат, как я, то жить в этой части города вам будет непросто. Тем не менее дома тут продолжают строить и продавать за весьма приличную стоимость по меркам простого обывателя. За одноэтажную хибару тут вполне могут запросить семьсот кусков. А что вы хотели? Любоваться каждый день заходами солнца на берегу океана – дорогое удовольствие.

И всё же это не идёт ни в какое сравнение с верхней частью города и её роскошными особняками, возвышающимися на холмах. Я долго не решаюсь заглянуть в документы,

чтобы узнать, во сколько родителям обошёлся этот дом. По правде говоря, лучше бы я не смотрел. Просто становится не по себе, когда я думаю, что на эти деньги можно было бы отстроить заново целую афганскую деревню, разрушенную бомбёжкой. Зато я могу любоваться океаном и закатами прямо с мансарды. Или отсюда же наблюдать, что происходит в домах у соседей.

Не подумайте, я не какой-нибудь извращенец. Тот случай, когда я сделал фото, был единственным. Но чужая жизнь волей-неволей становится мне доступна. Я частенько вижу чету Роджерсов, заигрывающих друг с другом у бассейна будто молодожёны. Даже странно видеть такую идиллию между супругами, которые, как я понял, вместе уже лет семь. Наверное, мне стоит найти себе девушку и успокоиться. Но просто так без всякой причины выйти из дома оказывается чертовски трудно. Порой я завидую мистеру Симмонсу, что каждый день вынужден выгуливать своего корги. Ему уже где-то под семьдесят. Он худой, как щепка, и много курит. При ходьбе его часто мучает одышка. Но у него есть, как минимум, одна весомая причина спуститься с холма и пойти на пляж.

– Как дела, сынок? – бросает он мне улыбаясь.

Я осознаю, что стою у живой изгороди, разделяющей наши придомовые площадки, и пялюсь на его собаку.

«Господин судья, попрошу зачесть, что обвиняемому без разницы, на что именно пялиться... Нда».

– Отлично, сэр! – рапортую я, инстинктивно выпрямляя спину. – Спасибо, что спросили.

– Ты ведь недавно переехал сюда? – спрашивает Симмонс задумчиво.

– Так точно, сэр, – отвечаю я. Хочу выглядеть доброжелательно, но как-то не выходит.

– Что ж, надеюсь тебе здесь понравится, – улыбается он и кивает на прощанье. – Если в покер играешь, заходи как-нибудь, у меня есть отличных шотландский виски.

– Благодарю, сэр. Простите...

– Да? – Симмонс оборачивается и с интересом смотрит на меня. Седые жёлтые усы ходят ходуном.

– Вы знаете соседей через дорогу? – спрашиваю я осторожно.

– Шона и Николь? – уточняет он.

Я, припоминая имена четы Роджерс, киваю.

– Не хочу показаться сплетником, но Шон не самый приятный человек, – отвечает мистер Симмонс, отведя взгляд. – Что до Николь, то она мне по нраву. Мы с ней часто ходим на пляж вместе. Надеюсь, она скоро вернётся.

– Вернётся? – повторяю я, совершенно сбитый с толку. Готов поклясться, что видел миссис Роджерс со своей мансарды четверть часа тому назад. Симмонс делает пару шагов мне навстречу и понижает голос до шёпота.

– Неделию назад Николь неудачно упала с лестницы и попала в больницу. Слышал, что у неё сотрясение и множествен-

ные переломы рёбер. Тебе когда-нибудь доводилось падать с лестницы, сынок?

– Никак нет, сэр, – отвечаю я, чувствуя, как всё леденеет внутри. – Но в школе я учился с одним парнем, чьи родители крепко выпивали. Он часто «падал с лестницы», потому всё время ходил в синяках.

Мистер Симмонс прищуривается и кивает мне, как бы сигнализируя, что мы верно поняли друг друга. Впервые с момента моего возвращения на гражданку я ощущаю знакомое чувство опасности. Опасности грозящей не мне, а кому-то ещё. Нет никаких сомнений, что Шон Роджерс изменяет своей жене. Он, судя по всему, ещё и избивает её. В ярости сжимаю кулаки. Я думал, что зло осталось там вдалеке где-то на Ближнем Востоке. Но оно прямо тут, живёт у меня под боком.

Я возвращаюсь домой и до самого вечера не могу найти себе покоя. Ночью мне кое-как удаётся заснуть. Однако стоит рассвету забрезжить на горизонте, я просыпаюсь, будто по команде. Мне приходит в голову, что пока миссис Роджерс нет, я могу, по крайней мере, снять компромат на её мужа. Возможно, эти материалы будут ей полезны во время бракоразводного процесса.

Используя свои навыки, я подбираю наиболее удачные позиции. Такие, с которых смогу вести наблюдение и оставаться при этом незамеченным. По венам вместе с адреналином растекается предвкушение. Я жду появления в поле зрения

яркой блондинки и Шона Роджерса. Даже подумываю, а не заказать ли мне специальное оборудование для слежки. Хотя нет, это слишком рискованно. Лучше отправиться в специализированные магазины и за наличные купить всё, что нужно.

Я отвлекаюсь на звонок Генри, а когда возвращаюсь на одну из позиций, замечаю оживление в доме. Однако вместо пёстрой блондинки я вижу приятную смуглую брюнетку. Она носит на голове небольшую вязаную шапочку, из-под которой время от времени выставляется повязка. А ещё ей очень трудно садиться и вставать.

– А вот и миссис Роджерс, – говорю я сам себе. Сердцебиение ускоряется.

Я вижу в доме Грейс. Она всячески пытается помочь хозяйке. Однако мистер Роджерс, по всей видимости, не в восторге от этой помощи. Решаю пока понаблюдать...

Спустя несколько дней чета Роджерс оказываются у меня на пороге. Я смотрю на них поочерёдно и пытаюсь понять что происходит. Шон Роджерс вблизи оказывается низкорослым и коренастым. Его прямые длинные волосы напоминают паучьи лапы вокруг огромной головы. И смотрит он как паук, также хищно. Миссис Роджерс же... Чёрт. Её глаза цвета чёрной вишни излучают тёплый свет. Она просто самая удивительная женщина, которую я когда-либо встречал. Если её муж – паук, то она нежная хрупкая бабочка. Вроде той, что является символом Миссисипи.

– Здравствуйте, Ронни, – произносит она, улыбаясь и протягивая мне тыквенный пирог. – Мы пришли поздравить вас с новосельем. Надеюсь, вам понравится здесь.

– Спасибо, – отвечаю смущённо, принимая внезапный подарок. – По правде говоря, я не думал, что кто-то в курсе, что я переехал сюда.

– Мы заметили, – отвечает Шон, глядя мне в глаза. – Я всегда всё замечаю.

Я осознаю, что это не просто слова. Это предупреждение. Моя слежка не осталась незамеченной. Теперь он знает обо мне. И своим визитом он сообщает мне об этом.

Часть 2 «Золотая клетка»

2.1

Николь

– Миссис Роджерс! – голос домработницы звучит будто сквозь толщу воды.

– Да? – я оглядываюсь на неё, удивлённо вскинув брови. Кажется, она только что спросила меня о чём-то, но я всё прослушала.

– Я говорила, что могу сопроводить вас в город, если нужно, – терпеливо произносит Грейс.

– Муж запретил мне выходить из дома, – отвечаю я и замечаю недоумение в глазах женщины. Приходится пояснить. – Он беспокоится, что со мной опять что-нибудь может случиться.

Грейс смиренно вздыхает и кивает. Мне она нравится, очень приятная и обходительная. Напоминает чем-то тетю Люсиль. Как же давно я не видела её или кого-то ещё из родни.

– Тогда, может быть, купить вам чего-то? – спрашивает она.

– Благодарю вас, но если мне что-нибудь понадобится, я закажу доставку.

– Ладно, тогда желаю вам поскорее поправиться, – улыба-

ется Грейс.

На душе становится теплее. Даже хочется задержать её чуть подольше, чтобы получить ещё немного её тепла. Но я знаю, что Шона не обрадуют экстра расходы на уборку. Несмотря на своё огромное состояние, он жуткий скряга.

Лет десять назад меня называли «Золушкой из Сан-Диего». Ещё бы, какая-то простушка появилась из неоткуда и охмурила одного из самых перспективных женихов Стоунвиля. Шон с самого начала выделялся из местной тусовки. Его ровесники были при деньгах потому, что являлись отпрысками богатых родителей. Шон же, без чьей-либо протекции, уже тогда стажировался в престижной адвокатской компании, и был вхож в самые высокие круги. Такие наивные дурочки, как я, ошибочно полагали, что раз он не принадлежит касте богачей, то с ним проще будет построить семейную жизнь. Вроде как, снобизм свойственен лишь людям с родословной. Никто из нас не в силах был понять довольно очевидную вещь: если он в таком возрасте самостоятельно преуспел в Кремниевой долине, то он действительно страшный человек.

Я поднимаю глаза на часы. Прикидываю сколько времени осталось до возвращения мужа. Размышляю, что бы надеть. Шону не нравится, когда я встречаю его в чём попало. Он говорит, раз уж моя единственная работа – быть его женой, я должна стараться, как следует. Работа эта, к слову, весьма неблагодарная. Шон и вправду страшный и очень жестокий,

особенно когда злится. Порой, когда у меня не получается дать всё, чего ему хочется, Шон пускает в ход кулаки. А в сказке про Золушку такого не было, правда?

Впрочем, даже если бы я знала, что меня ждёт после свадьбы, это едва ли остановило бы меня. Я ведь считала себя настоящей «охотницей за сокровищами». Моя семья была настолько бедна, что я готова была на что угодно, лишь бы выбраться из нищеты. Знаете, когда вы именно так формулируете свои желания, жизнь в конечном итоге заставляет вас сделать это самое «что угодно».

Тяжело вздыхаю и ощущаю боль в сломанных рёбрах. Поначалу Шон требовал от меня, чтобы я завоевала расположение всех его друзей и коллег. А теперь делает мне больно за то, что я слишком любезна с ними. Я не удивляюсь этому и не злюсь. Мне прекрасно известно, как он думает. Потому что это был просчёт с моей стороны. В следующий раз мне стоит быть умнее. Глупые не выживают в мире Шона Роджерса. История его первых отношений это подтверждает.

Его бывшая девушка погибла. По официальной версии она умерла от передозировки. Но некоторые из друзей Шона намекают, что она сама её себе устроила. Вероятно, не выдержала его жестокости и равнодушия. Жизнь с ним может быть праздником до тех пор, пока он хочет тебя. Но как только секс с тобой перестает для него быть особенным, он превращается в настоящего демона.

Мы встречались с ним несколько месяцев перед тем, как

поженились. Я старательно отыгрывала бедную овечку, но чуть более обеспеченную, чем есть на самом деле. Мне было важно, чтобы Шон от брезгливости не перестал меня хотеть. На аренду платья для свидания, мне собирали всем кварталом. Моё нищее братство верило, что я их не забуду, когда выйду замуж за богача. Они, как и я, не понимали, что богатое замужество не делает нищую девушку богатой, оно превращает её в рабыню.

Я больше не принадлежу себе. Моё тело – собственность моего супруга. От моей души практически ничего не осталось. У меня нет друзей – он не разрешает их иметь. Мои родственники не общаются со мной – им трудно поверить, что живя в доме стоимостью в миллионы долларов, я получаю на расходы доллар в день, да и тот даётся скорее, чтобы унижить меня. Каждый день мне приходится отчитываться перед мужем, как я потратила свой доллар. Обычно я отвечаю, что отдала его бездомному или Грейс в качестве чаевых. Иногда показываю ему обёртки от шоколадных батончиков, которые подбираю на улице.

На самом же деле каждая купюра отправляется в мой тайник – урну с маминым прахом. Это единственная вещь в нашем доме, которая не принадлежит Шону, и к которой он не решается прикоснуться. Под съёмной ёмкостью есть небольшая полость, где лежат свёрнутые в тугие трубочки купюры. Когда-то мама обещала защитить меня от всех бед. Теперь она хранит мою надежду.

Когда-нибудь я накоплю достаточно денег и сбегу от Шона Роджерса. А пока мне нужно выбрать красивое платье, чтобы встретить его.

2.2

Едва ли я могу признаться кому-то, но я покидала больницу со слезами на глазах. До этого я и не помнила момента, когда чувствовала себя настолько спокойно. За мной ухаживали медсёстры, врачи были внимательны и вежливы, я смотрела сериалы по телевизору и иногда даже выходила погулять на площадку, где всё время играли какие-то дети. Если бы было можно, я хотела бы оставаться там всегда.

С огромным трудом я надеваю на себя платье и смотрю в зеркало. Больше всего я боялась поправиться в больнице. Шон ненавидит, когда я меняюсь. Кажется, в первый раз он ударил меня именно из-за этого. Где-то через месяц после свадьбы мне захотелось сменить причёску – сделать из обычного скучного хвоста модную стрижку и слегка освежить цвет. Он был в ярости, когда увидел меня.

– Ты не можешь что-то менять в своей внешности без согласования со мной! – прокричал он, отвесив мне пощёчину.

Тогда я поняла, что этот человек вовсе не тот, за кого выдавал себя всё это время. Хотя, возможно, это я неверно считала все эти его холодные взгляды и прямолинейные фразы, его загадочность и немногословность. Мне казалось, он не такой, как все остальные мужчины. Бедная девушка из городских трущоб верила, что её одинокий принц заберёт её в своё царство печали и сумрака. И когда она придёт туда, то

сможет преобразить это место своим светом. Я хотела верить в лучшее. Даже после того, как впервые получила по лицу.

Наверное, если судить только по моим размышлениям, может сложиться впечатление, что всё всегда было ужасно. Но это не так. Шон никогда не действует только методом кнута. В конце концов, он ведь смог меня очаровать. Шон умеет слушать и жалеть. И пусть потом он использует то, что услышал против меня, но в моменте он способен исцелить добрым словом любые мои душевные раны. Возвысить меня над остальными людьми, убедить в своей исключительности. А потом приласкать так, что не останется никаких сомнений в том, что его сердце принадлежит только мне.

О, мой Бог! Какой же он потрясающий любовник. И пусть теперь спустя много лет, его почти не интересует моё тело, я всё ещё помню его прикосновения, приносящие наслаждение.

Завершив свой образ, спускаюсь на первый этаж и заказываю доставку из ресторана. Надеюсь, что сегодня всё будет вовремя. Мне не хотелось бы выслушивать претензии от мужа. К счастью, курьер прибывает за несколько минут до его возвращения. Забирая заказ, я замечаю, что в доме напротив кто-то есть. Кажется, это какой-то мужчина. Остаётся надеяться, что это не вор.

– Что у нас на ужин? – с порога кричит Шон. Я вздрагиваю и выхожу в прихожую.

– Стейк из лосося и овощи на гриле, – отвечаю, ощущая,

как голос дрожит. Должно быть всё потому, что я впервые вижу его после того инцидента.

– Отлично, – кивает он и садится на диван в гостиной. Я возвращаюсь в кухню и начинаю сервировать стол для ужина.

– Стивенсоны продали свой дом? – осторожно интересуюсь я за столом.

– Почему ты спрашиваешь? – не глядя на меня, произносит Шон.

– Кажется, я видела там кого-то, когда приехала, – спешу пояснить я. – Хотела убедиться, что это не вторжение на чужую собственность.

– Даже если так, это не наше дело, – отвечает муж. – Или ты забыла, что бывает с теми, кто суёт свой нос не в свои дела.

– Прости, сглупила, – произношу, холодея внутренне. – Думала проявить бдительность. Будет очень некстати, если к нам нагрянут воры.

Муж поднимает на меня глаза и смотрит угрожающе.

– Никто не осмелится залезть к нам в дом, – отвечает он тихо и вкрадчиво.

У меня кровь стынет в жилах. Я выдыхаю с дрожью. Чтобы скрыть своё смятение, тянусь к бокалу с вином. Нет, надо расслабиться. Если я так и буду жить в ожидании очередных побоев, то просто сойду с ума.

– Впрочем, если тебе так любопытно, мы можем пойти и

проверить, кто там, – чуть повысив голос говорит он. Промакивает губы салфеткой, а затем небрежно бросает её на стол.

– Это совсем не обязательно, – я даю заднюю, чувствуя опасность. Что-то не так было с ужином, и теперь Шон зол.

– Нет, мы пойдём! – отрезает он и поднимается. – Только тебе нужно сделать что-то со своей головой. Я твой муж и могу потерпеть эту уродливую повязку. Но другие люди не настолько толерантные.

Повязка! Чёрт, как я могла забыть про неё. Кажется, за неделю я настолько привыкла к ней, что перестала замечать. Поднимаюсь наверх за шляпкой. Старательно прячу под неё бинты. Затем снова спускаюсь.

– Кажется, я видел у тебя в холодильнике пирог, – говорит Шон, подходя к двери.

– Пирог? – удивляюсь я.

– Тыквенный, – поясняет он, а я пытаюсь вспомнить, когда истекает его срок годности. Всё это очень странно. Знать бы, что задумал Шон.

Мы спешно переходим дорогу и звоним в дверь.

– Этого парня зовут Ронни, он наш новый сосед. А ещё он сын одного очень влиятельного человека. Ты должна постараться произвести на него впечатление, – говорит Шон за секунду, как дверь открывается.

Я в панике начинаю соображать, что делать. И почему, он всегда со мной так поступает? Впрочем, глупый вопрос. Шону ведь нравится видеть чужую беспомощность. Так он чув-

ствует свою силу.

На пороге появляется парень одного со мной возраста или чуть старше. Светловолосый и голубоглазый, очень красивый и сильно загорелый. Мне в голову приходит, что он, должно быть, сёрфер. Кажется, что-то такое экстремальное ему непременно пошло бы. Я невольно проникаюсь к нему симпатией. Понимаю, что это неправильно. Как минимум, потому что мой муж стоит сейчас рядом со мной. Но этот парень обладает особенной харизмой. Меня тянет к нему даже неосознанно. Ронни в растерянности оглядывает нас, потом задерживает взгляд на мне и сердце замирает.

– Здравствуйте, Ронни, – решаю начать я и вручаю ему пирог. – Мы ваши соседи. Пришли поздравить вас с новосельем.

– Спасибо. По правде говоря, я не думал, что кто-то заметит мой переезд, – отвечает он простодушно. Такой милый.

– Мы заметили, – отвечает Шон угрожающе. – Я всегда всё замечаю.

Дрожь проходит по телу. Не уверена, но кажется, что это предупреждение не только для нового соседа, но и для меня тоже.

2.3

Зачастую мы не хотим знать, что о нас думают другие. Никто не хочет жить с мыслью, что его недолюбливают. Эмпатия удел тревожных. Она появляется у человека, когда нет иных возможностей получить от окружающих информацию о себе и отношениях в семье. Мои родители не разговаривали со мной, они и друг с другом-то почти не говорили – сразу переходили на крик. Потому я научилась чувствовать их гнев заранее, до того, как они начинали ругаться. Но была у этого и обратная сторона. Я научилась чувствовать, когда я людям нравлюсь, и активно пользовалась этим.

Я смотрю на Ронни и понимаю, что нравлюсь ему. Ощущать чистую и искреннюю симпатию со стороны такого простодушного человека приятно и волнительно. Мне трудно оторваться от его живых понимающих глаз. Трудно не смущаться вместе с ним, когда он ловит себя на том, что разглядывает меня. Мы ведём какую-то бессмысленную беседу. Я беспокоюсь о том, не станет ли ему плохо от этого пирога. Конечно, в нём много патоки и прочих консервантов, но всё же я не могу быть уверена, что он безопасен. Шон же ожидаемо наслаждается моим смятением. Даже толком не участвует в разговоре, только изредка кивает да отвечает на вопросы Ронни.

Я почти уверена, что когда мы вернёмся с мужем домой,

меня настигнет расплата за эти любезности с соседом. Но я ни о чём не жалею. Ведь благодаря Ронни совсем ненадолго я почувствовала себя кем-то другим – обычной нормальной женщиной, вызывающей в мужчине чувства и эмоции, а не просто бледной тенью Шона Роджерса. Это дорогого стоит.

Мы прощаемся с Ронни и возвращаемся домой. Переступая порог, я глубоко вдыхаю, словно пытаюсь прыгнуть с трамплина в неизвестную глубину. Хотя глубина моей бездны мне хорошо известна.

– Твоё любопытство удовлетворено? – спрашивает Шон самодовольно.

– Да, вполне, – киваю я, не поднимая на него глаз.

– Вот и славно, – выдыхает он и улыбается. – А теперь иди ко мне.

Чувствуя страх и смятение, я подхожу к мужу и подаюсь в его объятия. Он снимает мою шляпку и отбрасывает её в сторону, а после жадно впивается в мои губы. Я неуверенно отвечаю на его поцелуй и несмело обнимаю его. Он прижимает меня к себе, видимо позабыв про сломанные рёбра. Во всяком случае, мне хочется верить, что он именно забыл. Пытаюсь отстраниться, шиплю от боли. Чувствую, как его рука расстёгивает молнию на спине. В голове мелькает мысль: «Что, прямо здесь? Он хочет сделать это в гостиной?» Мне становится немного неловко от того, что дверь не заперта. И пусть в такое время к нам вряд ли кто-то может заглянуть, гипотетическая вероятность этого, заставляет сильно пере-

живатьь.

– Шон, что если нас кто-то увидит? – шепчу я, отталкивая его.

Тот бросает на меня свирепый взгляд. А после стаскивает с меня платье и ведёт за руку к окну.

– Что ты делаешь?! – в отчаянии восклицаю я.

Он не отвечает, лишь оголяет мою грудь, а затем разворачивает лицом к окну – выставляет меня напоказ, будто манекен в витрине. Я в панике прикрываюсь руками, но он стягивает с меня бельё и заставляет прогнуть спину. У меня нет варианта не подчиниться. Он сдавливая мою талию, причиняя адскую боль. Приходится просто закрыть глаза и опереться руками на подоконник.

– Прошу, давай поднимемся наверх, – шепчу, чувствуя жгучий стыд.

– Да брось, Николь! Тебе же нравится, – отвечает Шон увлечённо. – Ты вся течёшь, хотя я толком и не касался тебя.

Не уверена, что есть смысл объяснять ему, что возбуждена я по другой причине. Уже очень давно у нас ничего не было. Одного его поцелуя оказалось достаточно, чтобы моё тело среагировало. Едва ли ему будет интересно знать об этом. Он уже увлечён своей новой игрой, и ему нет дела больше ни до чего. Я смирилась с тем, что порой у Шона появляются очень странные кинки.

Впившись пальцами в бёдра, он резко входит в меня. Я издаю мучительный стон. Боль и удовольствие в теле борют-

ся за господство над разумом. Стараюсь изо всех сил сосредоточиться именно на удовольствии. Мысленно подстёгиваю себя. Двигаюсь в такт. Желание переполняет меня. Внезапно я поднимаю глаза к мансарде дома напротив и вижу там нашего нового соседа. И пусть между нами внушительное расстояние, и я даже лица его не могу толком разглядеть, кажется, что он, будто божество, наблюдает за нами сверху. Смотрит на меня, грешницу. Моё лицо горит от стыда. Тело же трепещет. Знаю, что это неправильно, но я хочу, чтобы этот парень смотрел на меня. Хочу, чтобы он желал меня.

Как только всё заканчивается, мне хочется умереть от стыда. Я подбираю платье и убегая наверх. Шон довольный моей реакцией, смеётся мне вслед. Забираюсь под тёплый душ и закрываю руками лицо. Не знаю, как мне теперь смотреть Ронни в глаза. Он ведь был со мной таким вежливым, обходительным. А потом меня отымели у него на глазах, как какую-то шлюху. Может быть, он всё же не видел? Я готова молиться всем богам, чтобы это оказалось правдой. Не могу сказать точно, почему мне так важно, чтобы он не думал обо мне плохо. Понимаю, это глупо, мы ведь с ним едва познакомились. Но внезапно даже для меня самой, он стал очень важным. Возможно, всё дело в его особенном отношении ко мне. Я знаю наверняка лишь одно – Ронни не просто какой-то сосед, он станет тем, кто изменит мою жизнь.

Часть 3 «Влюбиться вопреки»

3.1

Ронни

У неё очень бледная для нашего штата кожа. На поверхности её отчётливо выделяются веснушки – на лице, плечах и даже на тонких пальцах. Мне хочется коснуться их, чтобы убедиться, что это не макияж и не игра теней и света. Я неосознанно тянусь к ней и ощущаю её нежный аромат. Николь пахнет домашним уютом, корицей и паприкой. Её взгляд живой, цепкий. Я ловлю его и у меня мурашки бегут по телу. Не знаю, может всё дело в том, что я давно не видел женщину настолько близко. Но Николь просто очаровывает меня. И чем больше она мне нравится, тем большую опасность я ощущаю от её мужа. Прищурившись он наблюдает за нами. Будто он кукловод, а мы его марионетки.

Я пытаюсь быть адекватным, собранным, отдавать себе отчёт, что передо мной семейная пара. Они мои любезные соседи, из вежливости наведавшиеся ко мне субботним утром. Я должен быть учтивым и не лезть в чужие дела. Но пока мы сидим и непринуждённо беседуем у меня в гостиной, я продумываю, как бы передать миссис Роджерс ту самую фотографию её мужа с эффектной блондинкой. В конце концов, они просто уходят, оставляя меня наедине с чув-

ством неудовлетворённости.

Чтобы хоть как-то избавиться от навязчивых мыслей я беру из холодильника пару банок пива и иду на мансарду. Надеюсь уснуть под палящим солнцем и проснуться только к полуночи, когда холодный океанский бриз накроет побережье. Однако поспать так и не удаётся – мне звонит отец. Впервые с тех пор, как я вернулся.

– Ронни, ты ещё не устал прохлаждаться без дела? – спрашивает он нарочито бодро.

– Это было бы странно, если учесть, что я вернулся меньше недели назад, – отвечаю я, чувствуя лёгкое раздражение.

– Не важно. Я хотел бы, чтобы ты приехал в наш офис в Стоунвиле, – произносит он. – Там у меня есть для тебя кое-какая работа.

Мне отлично известны подобные формулировки. С возрастом старик совершенно не меняется. Когда он изъясняется подобным образом, это означает, что он хитрит. Скорее всего меня там ждёт врач-психиатр, призванный проверить, насколько я адекватен. И наверное, я мог бы отказаться, но меня порядком достало сидеть дома и пялиться целыми днями в окна напротив. Я спускаюсь в гараж и осматриваю свой старый пикап. Понятия не имею, на ходу ли он, но благодарен Генри за то, что он пригнал его. Вот уж кто действительно ждал моего возвращения.

Я никогда не был в филиале компании в Стоунвилле, но без труда смог определить его местоположение. Отец всегда

выбирает самые пафосные и дорогие здания. Это расположено недалеко от исторического центра города, прямо напротив отеля Марриотт. Я не знаю было ли оно построено специально или просто выбрано из доступных вариантов, но могу сказать точно, что его вид совсем не вписывается в городской пейзаж. Словно чёрная коряга, торчащая посреди ухоженного сада.

Я спешу войти, полагая, что изнутри уродство этого места не будет настолько бросаться в глаза. Прохожу мимо рядов банкетов и искусственных фикусов к ресепшену. Сообщаю миловидной девушке за стойкой своё имя и причину визита. Последнее выходит очень неловко – приходится сознаться, что я сын своего отца.

– Одну секунду.

Девушка бледнеет, начинает суетиться, заикается. Лупит своими наманикюренными пальчиками мимо нужных клавиш.

– Я посижу вон там, – говорю ей, указывая на ближайшую банкетку. – Не спешите, у меня достаточно времени.

Мне хочется верить, что я смог её успокоить. Меньше всего в этой жизни я хотел бы доставить проблем работающей женщине. Могу только догадываться насколько тяжело ей приходится. Я присаживаюсь напротив и оглядываю холл. Несмотря на всю свою вычурность выглядит он скучно. Невольно я вспоминаю о Николь. Снова и снова прокручиваю в голове самую первую её улыбку и взгляд с поволокой.

Будто в каком-то фильме.

– Мистер Галлахан, – странно знакомый женский голос выводит меня из раздумий.

Я оборачиваюсь и вижу того, кого меньше всего ожидал здесь увидеть – Линдси, свою бывшую девушку.

– Меня зовут Линдси Де ла Вера, я буду вашим интервьюером сегодня, – деловито улыбаясь произносит она. – Прошу за мной.

Я внимаю ей, но исключительно для того, чтобы понять, какого чёрта происходит. Линдси провожает меня в переговорную. Предлагает присесть, заводит дежурную беседу о погоде и пробках.

– Что ж, перейдём сразу к делу, – говорит она.

– Давай, – киваю я в предвкушении. – Мой самый главный вопрос: что ты тут делаешь?

– Простите? – краснея произносит Линдси. По всей видимости, она искренне верит, что мы до самого конца можем делать вид, что незнакомы.

– Линдси, хватит притворяться, что ты меня впервые видишь. Понимаю, ты, возможно, удивлена увидеть меня. Но я удивлён не меньше. Ты бросила меня и пожелала адских мук всей моей семье, а теперь работаешь на моего отца?

Она, бледнея, оглядывается по сторонам. Видит камеру видеонаблюдения под потолком и тяжело вздыхает.

– Мистер Галлахан, прошу прощения, но я вынуждена прервать наше интервью. Если вы не возражаете, вам будет

назначен другой день.

Она поднимается и в панике убегает. Я пытаюсь понять, что сделал не так, чем напугал её. Ничего толкового в голову не приходит. Вероятно, она просто засмушалась. Всё же встретить своего бывшего в такой обстановке – тот ещё стресс.

Чуть посидев под кондиционером, я выхожу на улицу. Солнце начинает припекать. Я бросаю задумчивый взгляд на прозрачную дымку у горизонта. Может, раз я всё-таки выбрался из дома, мне прокатиться к океану? В приятном предвкушении я возвращаюсь к своей машине и завожу мотор.

3.2

Солнце слепит глаза. Где-то вдали слышны крики чаек. В воздухе ощущается запах водорослей. Их много выносит приливом на берег. Порой их можно принять за части какого-то глубоководного чудовища. Я оставляю свой пикап на набережной, разуваясь и спускаюсь к линии прибоя. Ноги едва терпят разогретый песок. Голову изрядно припекает, и я жалею, что оставил свою кепку в машине. Прикрываюсь ладонью и делаю глубокий вдох. Слушаю волны и понимаю, что могу различить в их шуме вертолётный гул и автоматные очереди. Мне приходится признать, что, хотя и я покинул службу и вернулся домой, мой прошлый опыт всё ещё со мной. Мне не избавиться от воспоминаний просто по щелчку пальцев.

В растерянности я озираюсь по сторонам и замечаю маленькую фигуру на пирсе. Мне не разобрать лица, но одежда кажется знакомой. Я узнаю в женщине Николь. Она стоит недалеко от площадки с биноксепом и смотрит куда-то вдаль. Её волосы треплет порывистый ветер. Полы чёрного кардигана развиваются зловеще. Мне становится жутко тревожно за неё. Что она делает там одна? И будто в ответ на мой вопрос Николь бросает что-то в воду. Нечто похожее на лист бумаги или белый платок падает в тёмные беспокойные волны.

Ноги сами несут меня к пирсу. Я не знаю, что скажу ей, когда мы встретимся. Сама перспектива того, что мы можем остаться с ней наедине очень сильно волнует меня. Стопы вязнут в песке. Я пытаюсь ускориться, но не выходит. Ругаюсь и смеюсь сам над собой. Я ведь не уверен, что это она. Но даже крохотный шанс заставляет меня буквально бежать следом. Когда я выхожу на набережную и обуваюсь, она уже скрывается за углом. Меня немного пугает собственная озабоченность. С другой стороны, всё, чего я хочу, узнать в порядке ли она. Если у неё всё хорошо, то я оставляю её в покое. Но если Николь вдруг нужна моя помощь, то я окажу её, чего бы мне это ни стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.